

История 2013-2019

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 2 (76) Том - Гражданская война в Испании 80 лет спустя:
новые исследования и историческая память. 2019

Женщины-заключенные в лагере для интернированных Риёкро (департамент Лозер, Франция) в 1939—1942 гг. по материалам РГАСПИ

Земляков М. В.

НИУ «Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва

Окунева О. В.

Институт всеобщей истории РАН

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Статья посвящена истории лагеря для интернированных Риёкро во Франции 1939—1942 гг., возникшего, как и прочие подобные лагеря, после поражения Республиканской армии Испании и массового исхода из Каталонии через Пиренеи во Францию бойцов и мирного населения. Специфика лагеря заключалась в том, что в нем содержались только женщины и дети. Опираясь на фонды Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ), авторы собирают воедино сведения о численности женщин в Риёкро, их условиях содержания и занятиях в лагере, жизни заключенных после расформирования лагеря в феврале 1942 г. по тем документам РГАСПИ, которые пока остаются вне поля зрения западных исследователей. В приложениях к статье воспроизводятся некоторые архивные источники из фондов РГАСПИ на русском, французском и немецком языках, которые ранее не были введены в научный оборот и предоставляют важные сведения о положении женщин и детей в лагере Риёкро.

Ключевые слова: Лагерь Риёкро, Манд, Гражданская война в Испании 1936—1939 гг., Аида Нароцкая (Гликер), Дора Шауль, Клэр Мут, РГАСПИ

Дата публикации: 15.03.2019

Ссылка для цитирования:

Земляков М. В. , Окунева О. В. Женщины-заключенные в лагере для интернированных Риёкро (департамент Лозер, Франция) в 1939—1942 гг. по материалам РГАСПИ // История 2019. Выпуск 2 (76) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/S207987840002536-8-1> (дата обращения: 22.06.2019). DOI: 10.18254/S207987840002536-8

¹ История Гражданской войны в Испании полна трагическими событиями, которые могли бы выступить иллюстрацией к этому жестокому противостоянию не менее яркой, чем строки романа Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол». Как известно, последней крупной наступательной операцией Республиканской армии была битва и форсирование реки Эбро. Это противостояние продлилось с 25 июля по 16 октября 1938 г., после чего, потеряв около 40 тыс. человек, она более не предпринимала активных наступательных операций вплоть до 1 апреля 1939 г., когда генерал Франсиско Франко заявил о победоносном окончании Гражданской войны в Испании¹. И если до начала января Республиканская армия, в составе которой продолжали сражаться бойцы интернациональных бригад (несмотря на проведение прощального парада интербригад в Мадриде 28 октября 1938 г.)², еще оказывала организованное сопротивление, то после потери Таррагоны и раздробления территории, контролируемой республиканцами, на две части, 15 января 1939 г. связь в войсках была полностью утрачена, и начался массовый отход республиканцев из Каталонии во Францию. Вместе с республиканскими войсками через заснеженные перевалы Пиренейских гор эвакуировались и члены их семей — женщины и дети.

² Французское правительство крайне неохотно согласилось предоставить доступ на свою территорию гражданским лицам и раненым, в результате чего пограничные пункты только 23 января 1939 г. пересекли 15 тыс. человек, а с 28 января до 5 февраля — 170 тыс. женщин и детей, 60 тыс. гражданских лиц и 10 тыс. раненых бойцов. В период 8—9 февраля границу пересекли премьер-министр Республики Х. Негрин, президент М. Асанья-и-Диас и начальник Генерального штаба В. Рохо, а вслед за ними — еще 250 тыс. бойцов³. Таким образом, в феврале — марте 1939 г. на территории Франции было интернировано порядка 400 тыс. беженцев самых разных национальностей, для которых было организовано 15 лагерей на юге Франции, среди них — Аржелес-сюр-Мер, Кан-де-Ривсальт, Сен-Сиприен, Сен-Закари, Гюрс, Верне и другие⁴.

3 Исход испанских беженцев во Францию был самым массовым притоком мигрантов в страну за всю историю XX в.; на фоне продолжавшегося экономического кризиса и все чаще заявлявшей о себе ксенофобии правительство Третьей республики на ходу вырабатывало меры, исходные установки для которых сами по себе были весьма противоречивы (попытка сохранить принцип невмешательства в испанские дела, ставший, как известно, одним из факторов поражения испанской Республики в гражданской войне; стремление защитить внутренний рынок рабочей силы от массового наплыва новоприбывших; попытки увязать меры по приему беженцев с традиционными консульскими формальностями)⁵. Так появились лагеря, где «накапливали», или «концентрировали», различные категории иностранцев, которым «скрепя сердце оказывалось гостеприимство и предоставлялось убежище»⁶ (выражение «концентрационный лагерь» в общественном сознании еще не обрело того зловещего смысла, который ему придали нацистские концлагеря⁷, хотя по условиям содержания некоторые французские лагеря начинали к ним приближаться)⁸. В отношении тех лагерей во Франции, где содержали испанских беженцев, бойцов интербригад и солдат Республиканской армии, обозначения «концентрационный лагерь» и «лагерь для интернированных» использовались как синонимы. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) хранятся фонды интербригад, дающие представление о численности интернированных во Франции, их национальном составе, условиях содержания⁹.

4 Гораздо менее известными остаются лагеря, организованные специально для женщин и детей — Риёкро и сменивший его с 1942 г. Бранс. Первый из них был основан в рамках политики правительства Эдуарда Даладьё по невмешательству в дела Испании¹⁰ 21 января 1939 г. и просуществовал до февраля 1942 г. Поначалу он пополнялся беженцами из Испании обоих полов, но после вступления Франции во Вторую мировую войну в октябре 1940 г. мужчины были перемещены в лагерь Верне (департамент Арьеж, Пиренеи).

5 Правовой статус интернированных в Риёкро женщин оставался противоречивым. С одной стороны, в лагере они оказывались во исполнение декрета 1938 г. о «нежелательных иностранцах», согласно которому интернирование являлось административной (а не уголовной) мерой, применяемой даже при отсутствии совершенных преступлений¹¹. «Меня держат в лагере в качестве подозреваемой, хотя я ничего не нарушала, и возвращают [отнятую ни за что] свободу в качестве награды за хорошее поведение и примерное выполнение устава Святой колючей проволоки», — писала в стихах, сочиненных во время заключения, одна из узниц Риёкро¹²]. С другой стороны, положения декрета 1938 г. были усилены последующим декретом 1939 г., где речь шла об «индивидуумах, опасных для национальной обороны и общественного правопорядка» (как иностранцах, так и французах); в циркуляре

министерства внутренних дел Франции разъяснялась необходимость «противостоять не только преступным деяниям, но и явному намерению таковые совершить»¹³, что допускало широкое толкование и открывало путь «предупредительным мерам». Наиболее очевидной мишенью здесь становились коммунисты (сама компартия была запрещена с сентября 1939 г.): учитывая то, что среди сражавшихся в Испании участниц интербригад было много коммунисток, декрет 1939 г., по сути, являлся дополнительным обоснованием их содержания в лагере. К этому политическому контингенту добавлялся и уголовный элемент (воровки, проститутки). Донесения префектов различных французских департаментов, присылавших — во исполнение декрета 1939 г. — женщин для содержания в Риёкро, красноречиво свидетельствуют о том, как понятие «угроза общественному правопорядку» с одинаковой легкостью распространяется на иностранок, уголовниц, «женщин буйного и невоздержанного нрава»¹⁴. Согласно отчетам префекта департамента Сена-и-Марна, уже в декабре 1939 г. «женщины лагеря Риёкро представляли собой угрозу для внутренней безопасности и были подвержены политическому экстремизму». Содержание в одном и том же месте и антифашисток, и уголовниц не изменилось и с переходом лагеря Риёкро под юрисдикцию правительства Виши в июле 1940 г.¹⁵

6 Некоторым «политическим» узницам Риёкро-участницам гражданской войны в Испании удалось выжить; они оставили воспоминания или интервью¹⁶. Менее известен тот факт, что отдельные документальные свидетельства о Риёкро хранятся в России, в фондах РГАСПИ. В первую очередь речь идет о материалах, относящихся к Аиде Шабшовне Нароцкой (в девичестве — Гликер), которая составила отчет о своем пребывании за колючей проволокой в 1939—1941 гг. (илл. 1—3).

Илл. 1. Аида Нароцкая, предположительно декабрь 1938 г. (РГАСПИ. Ф. 495 Оп. 197 Д. 36 Л. 1 об.)

Илл. 2. Аида Нароцкая, август 1938 г. (РГАСПИ. Ф. 495 Оп. 197 Д. 36 Л. 7 об.)

Илл. 3. Аида Нароцкая, май 1938 г. (РГАСПИ. Ф. 495 Оп. 197 Д. 36 Л. 10)

¹⁰ Аида Гликер родилась 1 мая 1909 г. в городе Единцы (Хотинский уезд, Бессарабская губерния). В 1897 г. его население на $\frac{3}{4}$ составляли евреи (7379 человека), которые с начала XX в. в поисках лучшей доли эмигрировали в страны Латинской Америки, США и Палестину¹⁷. В 1913 г. в Бразилию переехал ее отец, а в 1920 г. к нему перебралась вся семья (сама Аида, ее мать и брат). Закончив 5 классов в Рио-де-Жанейро, работала в 1924—1935 гг. портнихой, приказчицей и кассиршей в магазине мод в Сан-Паулу. В 1929 г. А.

Гликер вступила в еврейскую организацию ОЗЕТ (Общество землеустройства еврейский трудящихся, на идиш — «Гезерд»), в бразильский комсомол и МОПР; в 1931 г. стала членом Коммунистической партии Бразилии¹⁸, была секретарем ячейки и кассиром квартального комитета. В 1930 г. вышла замуж за Хаима Шломовича Нароцкого (Хайме Санчеса), польского гражданина, члена польского Комсомола с 1928 г. и Компартии Бразилии с 1930 г. (илл. 4). В 1931 г. он оказался связан с обвинением в хищении средств МОПРа сначала в Польше, а затем — в Бразилии. За это Хаим Нароцкий был исключен из партии, хотя в дальнейшем, во время Гражданской войны в Испании, продолжал себя выдавать за ее члена¹⁹, а после разоблачения и повторного исключения в лагере Верне в июле 1940 г., ознакомившись с обвинениями бывшего однопартийца Меера Листа²⁰, заявил о том, что добровольно вышел из Компартии Бразилии из-за болезни легких и нервных припадков, а также в силу подрывной деятельности однопартийцев-троцкистов²¹.

Илл. 4. Хаим Нароцкий, ноябрь 1938 г. (РГАСПИ. Ф. 495 Оп. 197 Д. 136 Л. 29 об.)

¹² Середина 1930-х гг. прошли для Нароцких под знаком полицейского преследования: Аида дважды оказывалась в тюрьме (за участие в женской демонстрации в 1933 г. и поддержку выступлений Национально-освободительного альянса против президента Ж. Д. Варгаса в 1935 г.), Хаим — трижды, после чего в апреле 1936 г. они были высланы в Польшу. Однако 6 мая Аида была снята в испанском порту Виго с парохода и отправлена в Мадрид, где находилась на содержании МОПРа, а Хаим, оказавшись на испанской земле, принимал участие в кампании в поддержку Л. К. Престеса.

¹³ После этого их пути разошлись: за незаконное пересечение границы в июле 1936 г. Хаима арестовали и депотировали во Францию, откуда он вернулся 28 августа 1936 г. с миссией Красного Креста в республиканскую Испанию, вступил в Компартию Испании и был назначен начальником госпиталя 5-го полка 24-й армии в Мадриде. В октябре 1936 г. Хаим Нароцкий становится переводчиком в авиационных частях и служит в этой должности до конца Гражданской войны в Испании; хотя нет данных о его участии в каких-либо военных действиях на протяжении 1936—1939 гг., он был интернирован в лагере Сен-Сиприен уже в чине капитана²².

¹⁴ Аида Нароцкая во время Гражданской войны работает санитаркой и медицинской сестрой в различных частях и соединениях Республиканской армии: в госпитале МОПР, при советской военной миссии, в больницах и госпиталях при танковых и авиационных частях, в походных госпиталях и больницах для интернационалистов в Мадриде, Сан-Мартин-де-лас-Росас, Мурсии, Сан-Агаро, Лериде, Барселоне. В феврале 1939 г. она переходит французскую границу, сопровождая раненых интербригадцев в госпиталь в Перпиньяне²³; тогда как Хаим Нароцкий еще при роспуске XIII интернациональной бригады заявил о желании отбыть в Бразилию (по другим данным — Аргентину), где так и не появился, но оказался вместе с другими интернированными в лагере Сен-Сиприен (в апреле 1939 г. был переведен в Гюрс, в мае 1940 г. — в Верне)²⁴.

¹⁵ Полтора следующих года жизни Аиды Нароцкой были неразрывно связаны с лагерем Риёкро. Она попала в этот лагерь в ноябре 1939 г. и пробыла в нем до 26 февраля 1941 г., когда была освобождена в результате принятия советского гражданства и обращения к администрации лагеря советского посольства в Виши²⁵ (илл 5). 15 марта 1941 г. Аида Нароцкая прибыла в СССР и была поселена в дом отдыха ЦК МОПР в подмосковном Монино вместе с мужем Хаимом (известно, что он получил гражданство еще 25 ноября 1940 г.)²⁶; кроме того, в Думиловичах (Белоруссия) до момента их оккупации немцами жила семья Хаима Нароцкого²⁷.

Илл. 5. Заключённые лагеря Рийкро: в нижнем ряду справа предположительно Аида Нароцкая (Gilzmer M. Camps de femmes... Paris, 2000 P. 83).

¹⁷ О дальнейшей ее судьбе мало информации; точно известно только то, что конце 40-х — начале 50-х гг. XX в. она переехала в Вильнюс. Точная дата смерти Аиды Нароцкой и ее мужа неизвестна²⁸; есть лишь ее заявление от 21 ноября 1951 г. в ЦК ВКП(б) с просьбой о помощи в оформлении

инвалидности и подтверждении партийного стажа. К тому моменту она серьезно болела (туберкулез легких открытой формы), поэтому ее предположительную дату ее кончины можно отнести к началу—середине 1950-х гг.; о муже она не упоминала, следовательно, он умер еще раньше²⁹.

18 22 марта 1941 г., то есть временем пребывания в СССР Аиды Нароцкой, датируется создание едва ли не единственного документального отчета, хранящегося в РГАСПИ, о положении женщин в лагере Риёкро; к отчету был приложен список из нескольких десятков женщин и девушек, нуждавшихся в срочной эвакуации из лагеря в январе—феврале 1941 г. Интересно, что в фондах РГАСПИ эти документы представлены в одном деле как в рукописном, так и в машинописном исполнении на двух языках (списки женщин — на французском языке на 14-ти листах; отчет — на французском и русском языках на 2-х и 5-ти листах соответственно). Еще два документа в этом деле — письмо Клары Вайль дяде Густаву от 10 октября 1940 г., в котором она повествует об ужасах лагеря для интернированных, и рукописные заметки самой Аиды Нароцкой по поводу распределения эвакуированных в СССР из Испании и Франции женщин по санаториям и домам отдыха Подмосковья (Монино, Солнечногорск и так далее)³⁰. Французский рукописный текст отчета подписан, помимо Аиды Нароцкой, также Марией Казимировной Конечняк (*Konieczniak*, вариант фамилии — Конечная, *Maria Koniecznaya*, встречается в записях самой Нароцкой)³¹; машинописный отчет на русском языке не был точным переводом с французского и имел только подпись Нароцкой.

19 Списки женщин-заключенных, которых следовало спасти в первую очередь, не были заверены подписью Аиды Нароцкой, но они могли быть составлены только ей (возможно, с незначительной помощью Марии Конечняк), поскольку они наполнены подробностями о состоянии здоровья, семейном положении и подобного рода деталями, которые Нароцкая смогла выяснить за 1,5 года пребывания в Риёкро, регулярно общаясь с другими заключенными. Перевод отчета на русский язык, скорее всего, не был выполнен ни Аидой Нароцкой, ни Марией Конечняк, так как, по предоставленным Нароцкой сведениям в конце 1930-х гг., она свободно говорила и писала только на испанском и португальском, а французский, русский и немецкий знала недостаточно, хуже говорила и писала на них с ошибками³², тогда как автографы Конечняк на русском отсутствуют полностью³³. Более того, в русском тексте отчета о положении в Риёкро имеются расхождения с французским документом, подписанным Аидой Нароцкой и Марией Конечняк.

20 Свидетельства Нароцкой и Конечняк являются ценным добавлением к корпусу источников информации о лагере Риёкро. Тот факт, что они хранятся в российском архиве, вывел их за пределы поля зрения западных историков, изучавших положение интернированных после окончания Гражданской войны в

Испании. И хотя в настоящее время некоторые документы из дел, относящихся к данной проблематике, оцифрованы и выставлены в интернете (важно подчеркнуть, что речь идет о графических образах без текстового распознавания, что делает их «невидимыми» для поисковых машин), они еще во многом остаются неизвестными. Вот почему в Приложениях к настоящей статье дается текстовая транскрипция некоторых машинописных и рукописных материалов из РГАСПИ, относящихся к Риёкро.

²¹ Состав лагеря Риёкро колебался в 1939—1942 гг. в пределах 200—600 человек (минимум — около 100 женщин в октябре 1939 г., к концу 1939 г. — 249, к середине мая 1940 г. — около 425, максимум — 570 женщин в июле 1940 г.)³⁴. В отчете Аиды Нароцкой указывается, что в марте 1940 г. в лагере было до 350 женщин, из которых политических заключенных около 120 (из них француженок — около 40, испанок — 20, поляк — 9—10, немок — 10—13, русских — 5, австриек — 3, литовок — 2, украинок и бессарабок — по 1; всего порядка 20 национальностей), от 15—20 до 24 детей (несколько родились на территории самого лагеря)³⁵. В момент перехода лагеря под юрисдикцию правительства Виши в июле 1940 г. в Риёкро содержались 569 женщин и 41 ребенок³⁶. Согласно письму Клары Вайль дяде Густаву от 10 октября 1940 г. из дела в фонде РГАСПИ³⁷, в лагере было до 400 женщин (см. фотографию интернированных немок в лагере и отдельный «долагерный» снимок одной из узниц — Гертруды Грейзер (в замужестве Раст), изображенной также на коллективном фото — илл. 6,7).

22

Илл. 6. Заключённые лагеря Риёкро, крайняя справа — Гертруда Раст (Gilzmer M. Camps de femmes... Paris, 2000. P. 78)

Илл. 7. Гертруда Раст, 1920-е гг. (РГАСПИ, Ф. 495 Оп. 205. Д. 4153. Л. 7)

24 В списках из упомянутого дела РГАСПИ, озаглавленных как «Список женщин лагеря Риёкро, которых мы должны спасти в первую очередь» и «Список товарищей-женщин, которым следовало бы направлять [в лагерь]

посылки», эти числа гораздо меньше: туда не входят даже все политические заключенные. Впрочем, на выборочный характер представления данных указывает само название документов: речь в них идет о наиболее активных в политическом отношении узниках, а также наиболее истощенных и больных женщинах и девушках.

25 При каждом имени в списках дается краткая характеристика заключенной. Из списков мы узнаем, что возраст самой пожилой женщины-француженки в лагере — 75 лет (кроме нее, в лагере содержались две ее дочери), самой молодой (не считая детей) — 14 лет. Четырем женщинам из списков от 20 до 30 лет; одиннадцати — от 31 до 45 лет; у троих возраст не указан. Число барачков, в которых содержались женщины, в отчете Нароцкой (и даже в современной исследовательской литературе) не указано; в списках интернированных и заключенных указываются бараки (*baraque*) № 5 и 7, а также спальни (*dortoir*) 14 и 15; в «преемнике» Риёкро — лагере Бранс, в 1942 г. было порядка 20 барачков. Многие из упомянутых в документах женщин были серьезно больны, поэтому об их транспортировке должны были позаботиться международные организации.

26 Практически все учтенные в списках женщины страдали от серьезных заболеваний, вызванных голодом и плохим содержанием — хроническими расстройствами пищеварения, туберкулезом различных органов, пневмониями. После трех лет существования лагеря, когда заключенные были уже истощены, в Риёкро разразилась эпидемия острого конъюнктивита, которая привлекла внимание даже правительства Виши; в официальных отчетах утверждалось, что ситуация под контролем. Лечение в том виде, которое было организовано в лагере, по свидетельству узниц, было не менее мучительно, чем болезнь³⁸. Режим содержания и питание вызывали к январю 1942 г. серьезные опасения даже у властей.

27 Вот как описаны условия содержания в отчете Аиды Нароцкой: в 7 утра им давали кофе-суррогат без сахара или суп из риса без масла, в 12 часов — суп из брюквы (или топинамбура) без всяких жиров и вареную брюкву на второе³⁹. Два раза в неделю на обед давали маленький кусок мяса, который был настолько твердым, что его нельзя было прожевать. На ужин в 6 часов давали то же самое. Сахар в лагере никогда не выдавался, его можно было только купить (не более 0,5 кг в месяц). Дети питались тем же, что и взрослые, но им давали немного молока. Бани не было, душ не работал, а за водой приходилось ходить за километр от лагеря (илл. 8)⁴⁰. В случае, если в бараках свет выключался после 9 часов вечера, весь барачок наказывался задержкой в посылке писем и корреспонденции на 10—15 дней. Был один документально зафиксированный случай избиения надзирателем заключенной за то, что она требовала отправить ее письмо.

Илл. 8. Доставка воды в лагерь (Gilzmer M. Op. cit. P. 94)

29 В лагере среди политзаключенных было достаточно много коммунисток — членов молодежных организаций и партий Испании, Франции, Польши, Германии. В отчете за март 1940 г. было особо выделено то, что существовали кружки по изучению французского, испанского, немецкого и русского языка; партийная работа при этом почти не велась, а после облавы полиции был закрыт единственный кружок по изучению истории коммунистического движения, организованный одной из неназванных немок (возможно, Дорой Шауль, Марией Вайтерер-Тэбе или Клэр Мут, старостой⁴¹ «интернационального барака») (илл. 9). Тем не менее, в дни праздников в 1939—1940 гг. удавалось организовывать концерты самодеятельности и выставки рукоделия (на Рождество 25 декабря, 8 марта, 1 мая, 14 июля и 10 ноября).

Илл. 9. Заключённые лагеря Риекро: в нижнем ряду, слева направо — Дора Шауль, Паула Руес-Нудинг, Клэр Мут, Ильда Мадалена, Ида Крох-Краутер; в верхнем ряду, слева направо — Дора Ландаль, Бетти Розенфельд, Марина Страсде, Мария ван де Маат (Giltner M. Op. cit. P. 78)

31 Лагерь Риекро не был трудовым, и формально заключенные должны были заниматься лишь хозяйственными работами. В отчетах лагерной

администрации встречалась фраза о том, что в течение дня узникам были доступны занятия по собственному усмотрению, выбору и вкусу («travaux et agréments personnels laissés à leur plaisir»)⁴². Формулировка звучала достаточно цинично, так как понятия «agrément» (занятие для удовольствия и для души, в противоположность работе) и «plaisir» (приятность, наслаждение, а также собственное усмотрение) очевидно контрастировали с повседневностью лагеря для интернированных.

32 Администрация лагеря пыталась добыть для заключенных казенные заказы (например, вязать носки и варежки для солдат). Инициатива не встретила единодушия в рядах узниц: так, немецкие антифашистки отказались вязать для французских солдат, служивших режиму Виши, а испанки сочли, что за эту работу они смогут получить хотя бы скудные деньги. В результате вышестоящие инстанции постановили, что казенными подрядами следует обеспечивать прежде всего свободных француженок, а не заключенных иностранок. В этих условиях занятия рукоделием оставались частной инициативой, которой администрация лагеря явно не препятствовала. По воспоминаниям одной из заключенных, «немки были специалистками по плетению из лозы, изготавливая сумки, корзины, сандалии, шкатулки, чаши и вазы, корзины и тому подобное; испанки выказали необычайные способности к вязанию, вышивке и шитью; русские и польки изготавливали броши из лозы или остатков шерсти»⁴³. Изделия этих промыслов сбывались в соседнем городке Манд. В отчете Нароцкой, приводимой в Приложении 1 к настоящей статье, упоминалась выставка поделок, изготовленных узницами Риёкро: ее даже демонстрировали в мэрии г. Манд, о чем сохранилась соответствующая фотография⁴⁴. (илл. 10)

33

34 Самодеятельные театральные постановки в лагере были еще одним способом противостоять ужасающему быту и отупляющей безнадежности жизни за колючей проволокой. Некоторые носили общегуманистический характер — так, ко Дню матери заключенные разных национальностей устроили концерт, где пели колыбельные на своих родных языках. В других скрывался политический подтекст. Например, в спектакле «Белоснежка в Риёкро» пародировалась соглашательская политика Франции по отношению к Германии: под Белоснежкой, отправленной за семь гор, подразумевалась интернированная, под охотником, который ее туда уводил — Франция, а под злой королевой, отдавшей приказ об изгнании Белоснежки — Германия⁴⁵. Еще одна самодеятельная театральная постановка представляла собой инсценировку ареста жандармами и этапирования женщин; она имела оглушительный успех среди интернированных. Как отмечала в своем отчете Аида Нароцкая, постоянной участницей этих спектаклей была латышка Марина Страсде (см. Приложение 1).

35 Несмотря на тяжелые условия содержания, жалобы и массовые требования к начальству лагеря женщины предъявляли редко. Это было обусловлено тем, что представительниц разных национальностей старались не смешивать. Поэтому к администрации обращались небольшие по числу лиц, замкнутые по своей структуре группы. Однако один раз женщины, сидевшие как «подозрительные» или «за плохое поведение», отправили делегацию из 5—6 человек на переговоры к начальнику лагеря, несмотря на запрет. За это были наказаны все жительницы лагеря — 20 дней их не выпускали из бараков на прогулку в обычное время, только во время обеда. В другой раз обвиненные в шпионаже женщины из двух бараков объявили голодовку, к которой присоединились несколько политических заключенных. Голодовка продолжалась 2 дня, после чего немцы перевели в оккупированные районы Франции или концлагеря на территории Третьего Рейха (см. Приложение 1). Документы из РГАСПИ (и, в частности, отчет Аиды Нароцкой и Марии Конечняк) — одни из немногих, где упоминается наличие заключенных с активной прогерманской позицией; исследователи, напротив, отмечают скудость сведений об интернированных в Риёкро женщинах-фашистках⁴⁶. Кроме того, историю с переводом из лагеря тех, кто устроил голодовку в знак протеста, можно сопоставить с процессами, начавшимися в Риёкро после перехода лагеря под управление правительства Виши: в этот момент ускорилась репатриация иностранных заключенных, в то время как французская администрация продолжала присылать в лагерь новых арестованных, теперь уже по большей части из числа собственных граждан⁴⁷.

36 Нередко жены и мужья были разлучены колючей проволокой, находясь в разных лагерях: как Клара Вайль и ее муж с друзьями, переведенный в Верне, которым «было еще хуже, чем ей»; как Софи Земанска и ее муж, Георг Бек⁴⁸, бывший участник интербригад, интернированный в лагере Аржелес-сюр-Мер; как пацифистка Франсуаза Матильда Пери (в девичестве — Ториния) с мужем-коммунистом Габриэлем Пери, который был расстрелян немцами в декабре 1941 г.⁴⁹

37 Некоторые женщины (в первую очередь, немки и француженки) поддерживали связи с компартией своей страны, получали от них посылки и даже предпринимали попытки подать документы на выезд в Мексику или США. Однако после нескольких дней отсутствия в лагере большинство возвращалось обратно; разумеется, их попытки при любом удобном случае пресекались оккупационными властями Германии. Таков случай Марии Вайтерер-Тэбе и ее мужа, члена ЦК КПГ Зигфрида Рэделя (Закса), арестованного французской полицией 2 сентября 1939 г. и заключенного в 1940 г. в лагерь Верне. Некоторое время она находилась в лагере для пересылки из отеля «Бомпар» в Марселе по вызову мексиканского посольства, но в Верне запретили отпускать «стойкого коммуниста» (об опасности такого развития событий писала Нароцкая — см. Приложения 1 и 3) и передали Рэделя гестапо на расстрел в Германию 4 августа 1942 г. (приговор был приведен в исполнение 10 мая 1943 г.)⁵⁰. Позднее при посредничестве агента НКВД Ноэля Филда Вайтерер все же нелегально выехала в Швейцарию. Еще одним «каналом» по перевозке беженцев в Париж была итальянская коммунистка Тереза Ноче, впоследствии попавшая в лагерь Равенсбрюк; так, она помогла с выездом маленькой девочке Полине Пери, семья которой (мать и тетя) также находилась в лагере (илл. 11)⁵¹.

Илл. 11. Франсуаза Матильда Пери и её племянница Полина в лагере Риёкро (Giltner M. Op. cit. P. 85)

³⁹ И хотя история лагеря для интернированных в Риёкро фактически закончилась переводом части женщин в лагерь Бранс⁵², откуда в течение 1942 г. евреи и еврейки отправились в Дранси или Аушвиц, оставшиеся к 3 июня 1944 г. 151 женщины были переведены в Гюрс (захвачен «Сражающейся

Францией» и закрыт 25 августа 1944 г.), а концлагерь рядом с небольшой французской коммуной (до 300 человек) в разы уступал по размерам концлагерю Гюрс или Сен-Сиприен, сам факт наличия подобных женских концлагерей на территории Третьей республики, в 1940—1942 гг. контролируемой правительством Виши, подчеркивает бесчеловечный характер режима маршала Петена.

40

ПРИЛОЖЕНИЯ⁵³

41

Приложение 1.

Ф. 545. Оп. 6. Д. 60.

Л. 21

О ПОЛОЖЕНИИ В ЖЕНСКОМ ЛАГЕРЕ

«РИОКРОС-ЛАВЗЕР»

Всего там 850 женщин. Политических приблизительно 120. Из политических: францужен. приблизительно 40, испанок — 20, польки — 10, немки — около 10, русски⁵⁴ — 5 и др. Вставали утром в 7 часов, раньше давали утром кофе суррогат без сахара, а последнее время давали суп из риса без масла. Обед был около⁵⁵ 12 часов, на обед давали суп из брюквы без всяких жиров и на второе вареную брюкву. Два раза в неделю давали очень маленький кусочек мяса, но мясо было невозможно прожевать, настолько оно было твердое. Ужин был в 6 часов, давали то же самое, что на обед. Сахар к воде никогда не давали. У кого были деньги могли купить ½ кг. в месяц. Мыла совершенно не давали. Раньше можно было купить мыла сколько угодно, но с начала войны только 900 грамм в м-ц. Бани не было. Были души, но они не работали, за водой нужно было ходить приблизительно за 1 км. В бараках было очень холодно, угля давали очень ограниченное количество⁵⁶.

В лагере было 24 ребенка, в последнее время 15—20. Дети⁵⁷ кушали то же, что и взрослые, только немного ежедневно давали молока. Было несколько детей, которые там родились. Одна девочка умерла в лагере. Она получила отравление от того, что врач дал ей молоко, налив его в консервную банку⁵⁸.

Конкретных требований (массовых) не пред'являли к начальству лагеря, только в отдельных случаях говорили и просили улучшения условий. Партийной работы в лагере почти не было. Партийную работу там вела одна немка, фамилии не помню, но работа была налажена очень плохо. Не было организованности. Там были кружки по изучению французского, немецкого, испанского и русского языка. Некоторое время работал кружок по изучению истории партии, но после того, как полиция об этом узнала и сделала обыск, работу кружка прекратили, хотя полиция ничего не нашла. Среди членов партии не было сплоченности и организованности. Хотя отношение со стороны начальства лагеря к политзаключенным было очень плохо, но избивать политзаключенных они избегали. Был только один случай, когда полицейский избил одну из политзаключенных за то, что она требовала отправки ее письма, а

полицейский не хотел взять. Если в бараках не тушили свет в положенное время (9 часов) хотя бы на 5—10 мин. задерживали, то отправка письма из этого барака задерживалась на 10—15 дней.

Был еще такой случай: человек 5—6 из уголовных решили пойти на переговоры к начальнику лагеря, который находился в лагере. Разрешения им на это не дали, но они все равно ушли. За это были наказаны все, находившиеся в лагере — на 10 дней все были закрыты в бараки, разрешали гулять только с 12—13 ч., то есть в то время, когда должны обедать.

В революционные праздники мы организовали там концерты и выставки рукоделий. Из рукоделий 80 % готовили политические. Концерты устраивали не в день праздника, а например 8 марта праздник — 10 и так далее.

42

Л. 22

Это была единственная работа, которую партия там сумела хорошо организовать. Выставка, которая была организована к Октябрьским праздникам в 1940 г. имела такой успех, что ее разрешили организовать даже в городе.

Связи с партией вне лагеря имели только немки и француженки. Они получали помощь от партии, часто получали посылки. С другими товарищами они не делились полученным и вообще держались замкнуто, в своем кругу. В последнее время несколько из немецких товарищей ездили за получением визы на отъезд в Америку и другие страны⁵⁹. Там они пробыли несколько дней. Когда они вернулись обратно в лагерь, их отношение к другим товарищам изменилось. Они стали делиться посылками и старались организовать кое-какую работу. Очевидно, там с ними кто-нибудь разговаривал.

Были в лагере еще такой случай. Заключенные шпионки Германии объявили голодовку с требованием, чтобы их освободили. В эту голодовку включились 2 барака, среди которых было несколько человек и политических. Голодовка продолжалась 2 дня. После этого пришла немецкая комиссия и перевела этих шпионов в районы, оккупированные Германией, а некоторых взяли в Германию.

Аида Нароцкая

22. III. 1941

В е р н о:

43

Л. 23

La vie à Rieucros

Au camp de Rieucros nous sommes cent vingt femmes internées politiques de nationalité, Françaises, Russes, Espagnoles, Polonaises et Allemandes. Nous étions dans les baraques en bois infectées de rats et de souris, et soixante-dix personnes y compris les enfants dans chaque baraque, nous couchions par terre et nous avions une surveillante de prison dans chaque baraque. Pour dîner et souper nous recevions une soupe qui n'était autre que de l'eau et des choux.raves qui n'étaient pas cuits ce fut très peu et mauvais. Nous avons des cours de plusieurs langues mais ont été

interdites par Monsieur le préfet de notre département⁶⁰. La lumière était limitée jusqu'à neuf heures du soir et si nous gardions la lumière cinq minutes de plus nous étions privé⁶¹ de quinze jours de courrier. Il y avait de grandes difficultés⁶² pour avoir des permissions pour sortir en dehors du camp. Ils intervenaient toujours dans la vie intérieure⁶³ des baraques. Ils ont cherché des provocations pour nous interdire⁶⁴ de recevoir des lettres, la presse et même de sortir des baraques

44

Л. 24

et il⁶⁵ nous ont fermé aussi la cantine. Il y avait des mères que leurs enfants été⁶⁶ à l'assistance publique car le préfet ne les voulait les voir avec leur mères ne pouvait jamais les voir⁶⁷. Il y avait aussi un cas de mort d'enfant à cause d'un changement de lait en pleine chaleur. Il y avait une infirmerie où il n'y avait pas de médicaments que des sachets d'aspirine⁶⁸ et lorsque le médecin venait il disait «si il⁶⁹ n'y avait pas de docteur personne serait malade». Il manquait toujours de l'eau, du savon, et nous avions dans chaque baraque une poêle mais il n'y avait pas de charbon. Les colis envoyés par la Croix rouge pour nous ont été volés par l'administration. Les chemises de nuit nous été changez tout⁷⁰ les trois semaines et les sac⁷¹ de couchage tout⁷² les deux mois. Les camarades françaises sont traitées spécialement plus dur. Notre réaction était ferme au milieu des camarades politiques. Nous avons tenues⁷³ jusqu'à notre libération et nous gardons les sentiments cordiales et fraternelles⁷⁴ pour les camarades femmes qui sont restées au camp.

[другим почерком, беглым курсивом]

Konieczniak

Narocka

45

Л. 17

4ex/RM/RM

10.X.1940⁷⁵

LETTRE DE CLARA

à GUSTAVE

Cher Oncle GUSTAVE,

Je pense que ça va bien et que tu es bien portant. Depuis plus de 10 mois je me trouve dans un camp de femmes, avec 400 femmes. INEZ est venue avec moi d'Oloron. Il y a toutes sortes de femmes, dont certaines que je connaissais: Hilda⁷⁶, Jenny et aussi la femme de Max. La vie n'est pas facile ici mais encore supportable. Mais mon mari et ses amis sont encore pire. Il est au camp de Vernet (Ariège), on lui a communiqué que tous ceux qui ne demanderaient pas de rentrer, seraient internés — ce qui est désagréable pour leur état de santé. Si tu peux communiquer ceci à l'Oncle Wilhelm. A Vernet il y a des gens qui peuvent partir pour l'Amérique. Mais la sortie des camps ne peut avoir lieu qu'avec accord des forces d'occupation. Je ne sais pas encore s'il y en a qui ont pu sortir !

Je pense que ça va bien et que tu es bien portant. Depuis plus de 10 mois je me trouve dans un camp de femmes, avec 400 femmes. INEZ est venue avec moi d'Oloron. Il y a toutes sortes de femmes, dont certaines que je connaissais: Hilda⁷⁶, Jenny et aussi la femme de Max. La vie n'est pas facile ici mais encore supportable. Mais mon mari et ses amis sont encore pire. Il est au camp de Vernet (Ariège), on lui a communiqué que tous ceux qui ne demanderaient pas de rentrer, seraient internés — ce qui est désagréable pour leur état de santé. Si tu peux communiquer ceci à l'Oncle Wilhelm. A Vernet il y a des gens qui peuvent partir pour l'Amérique. Mais la sortie des camps ne peut avoir lieu qu'avec accord des forces d'occupation. Je ne sais pas encore s'il y en a qui ont pu sortir !

Ce me ferait plaisir si tu pouvais faire quelque chose⁷⁷ pour nous, comme ce qui a été fait pour Anton. Je serais heureuse d'avoir de tes nouvelles.

J'ai reçu ta lettre de fin août de l'année dernière, cela m'a fait plaisir et si tu pouvais encore nous faire parvenir de tes nouvelles !

Clara

Camp de Rieucros
par Mende (Lozère)

46

Приложение 2.

Ф. 495. Оп. 205. Д. 3054.

Л. 1

ABSCHRIFT⁷⁸

Rieucros

Rieucros, 13. April 1941.

Meine liebe Lucie —

Recht vielen Dank fuer Deinen Brief vom 20. Maerz. Er war schon am 4. April in Mende. Das ist doch sehr schnell gegangen und wir waren alle sehr erfreut darueber. Soscha und Marina, sowie alle anderen, die auch auf ihre baldige Rueckreise in die Heimat warten, waren erstaunt, dass Eure Reise nur sechs Tage dauerte. Sie freuen sich heute schon auf ihren Empfang. Und wer wuerde⁷⁹ sich nicht freuen, wenn er in seine Heimat fahren koennte und alles so wunderwoll trifft. Ja Lucie, ich verstehe sehr gut, wie Du Dich gluecklich fuehlst. All das, was Du ueber⁸⁰ Deine Versorgung, die Zukunft, die Fuersorge fuer Madeleine schreibt, zeigt, dass die Liebe und der Wohlstand Deiner Mutter (lies: der Sowjetunion) gross sind.

Madeleine (die kleine Tochter⁸¹ der Empfaengerin dieses Briefes) wuerde hier sehr viele Spielkameraden haben. Ueber zwanzig spanische Kinder sind mit ihren Muettren aus Argelès hier angekommen. Die Kinder sind prachtvoll. Jacqueline (die kleine Tochter einer polnischen Genossin) ist mitten unter ihnen sie spielen und jauchzen miteinander. Nur furchtbar mager sind die Kinderchen. Ach, man moechte weinen, wenn man sie sieht, ganz duenne Aermchen und Beinchen haben sie. Es tut einem weh. Auch die Frauen sehen schlecht aus und haben einen besorgten Ausdruck im Gesicht. Aber alle sagen, dass es ihnen frueher besser ging. Sie hatten mehr Freiheit und konnten jeden Tag ihre Maenner sehen. Das ist jetzt vorbei.

Hier ist jetzt das grosse Tor geschlossen und bewacht. Man bekommt faktisch keinen Urlaub nach Mende mehr (Mende ist die naechste Stadt. Frueher war es moeglich, wenn Verlobte, Maenner oder Familienangehoerige kamen, zwei bis drei Tage Besuchserlaubnis nach Mendez zu bekommen). Selbst richtige Eheleute nur noch 24—48 Stunden Stadturlaub. Helenes Braeutigam ist heute gekommen, aber sie konnte ihn nur eine Stunde im Besuchszimmer im Haeuschen unten am Tor sprechen. Und dafuer macht der Mann nun die weite Reise. Auch Susanne hat Besuch. Aber die Arme konnte noch nicht nach Mende, obwohl ihr Mann schon eine Woche hier ist. Ja, Lucie, es ist nicht mahr so wie se war. Du kannst wirklich froh sein, dass Du in Deiner Heimat bist. Du wuerdest hier jetzt nur noch kraenker werden. Dass unsere Brotration nur noch 200 gramm taeglich ist, weisst Du schon. Aber die schoenen Topinambours machen uns zu schaffen. Die rumoren in unserem Magen und Bauch, das ist fuerchterlich. Wir bekommen sie jeden Tag und koennen sie einfach nicht mehr vertragen. Viele sind krank, und die Camp-Krankheit (d.h. chronischer Durchfall) ist bei vielen. Da isst man diese Dinge nicht mehr, aer⁸² von der Wassersuppen wird man nicht satt, und so wird unsere Linie immer schlanker. Denk Dir, Paula ist doch noch die Robusteste, aber von zehn Tagen machte sie ihren Kleiderrock enger und naechte ein neues Gurtband ein. Gester wollte sie Haken und Oesen einnaehen, da war der Rock um 5 cm. zu weit. So nehmen wir rapide ab, das ist doch fuerchtbar. Du kannst Dir denken, wie sehr uns gerade jetzt Dein Brief erfreut hat. Dass Ihr in Euerer Heimat gut aufgehoben seid und dort keinen Hunger habt. Wir sind froh fuer Jeden, der fort kann.

Ganz besonders erfreut sind wir, dass Ihr Pakete schicken wollt. Meine Familienmitglieder schwelgen jetzt schon im Volgefuehl der Freude auf Eure Pakete. Denn gerade Eure Pakete beweisen uns, dass Ihr uns nicht vergesst. An Mia⁸³ (Weiterer) und Clarita (Hamburger) ging schon ein Paket ab ? Wir wissen noch nichts davon. Vielleicht schickt man sie ihnen nach. Ich habe zwar fuer den Empfang der Pakete eine Autorisation, aber man kann nie wissen. Clarita ist

47

Л. 1 о6.

gut in Martinique angekommen, jetzt geht die Fahrt (nach Amerika) weiter.....

Dann Du uns Buecher, Kleider und Medikamente⁸⁴ schicken willst, ist ja herrlich. Die Studentenorganisation⁸⁵ will auch Buecher schicken, aber das ist meist Fachliteratur. Aber Du weisst, die schoenen russischen Romane sind bei allen beliebt. Und Medikamente und Kleider koennen wir sehr gut gebrauchen.

Nun muss ich leider zum Schluss kommen. Es gaebe noch sehr viel zu erzaehlen. Wie lernen, lesen und arbeiten freissig wie immer, um die Zeit auszunuetzen. Auch wir moechten einmal in unsere Heimat zurueckkehren koennen. Ich gruesse Dich herzlich und warte sehr auf deine Antwort. Gruesse von uns Allen.

Claire.

Fuer die Kommunistische Partei Deutschlands.

Schreiberin dieses Briefes, Claire Muth, ist eine deutsche Parteigenossin, schwerkrank, nach einer sehr schweren Frauenoperation, deren Mann in Deutschland im Gefaengnis oder Konzentrationslager sitzt. Ich war mit ihr seit 1. September 1939, zuerst im Gefaengnis, dann im Konzentrationslager Rieucros (bei Mede⁸⁶ Mende, Lozère) zusammen. Sie gehoerte zu den leitenden Genossinnen der kommunistischen Fraktion im Lager. Ihr Brief ist, wie Sie sehen, Antwort auf einen Brief, den ich ihr, zwei Tage nach meiner Ankunft hier, am 20. Maerz, geschrieben habe. In diesem meinen Brief habe ich ihr die Sendung von Lebensmittelpaketen, Buechern, Kleidern und Medikamenten versprochen. Wie Sie aus ihrem Brief sehen, ist die Lage unserer Genossinnen⁸⁷ in Rieucros noch schlechter geworden. Fuer viele von ihnen, die krank und geschwaecht sind, bedeutet ein laengerer Verbleib im Lager, ohne Hilfe von aussen, einfach den Tod.

Ich habe bei meiner Ankunft hier Genossen André Marty eine Liste von zu rettenden Genossinnen uebergeben, auf der Claire Muth an einer der ersten Stellen stand. Koennen Sie fuer die Ueberfuehrung der deutschen Genossinnen in die Sowjetunion irgendetwas tun? Koennen Sie fuer die Beschleunigung der Paketaktion der Mopr irgendetwas tun? Koennen Sie an die Genossinnen Geld schicken? Ich schicke Ihnen diese Abschrift des Briefes, den ich gestern erhalten habe, damit Sie unseren Genossinnen helfen⁸⁸.

~~Die Genossin~~⁸⁹ Die Adresse von Claire Muth:

Ma*dame Claire Muth

Baraque 5

Rieucros par Mende (Lozère)

France non occupée.

Falls Sie mich in irgendeiner Weise brauchen, meine Adresse:

Lucie Harpern

Lavrouchenski Pereoulouk 17/19

kv. 51

Ich bin auch durch Genossen André Marty zu erreichen. Ich bin Mitglied der Franzoesischen Partei.

Mit bruederlichem Gruss:

[беглым курсивом синими чернилами, подчеркнуто красным карандашом]

Lucie Halpern

48

Приложение 3.

Ф. 545. Оп. 6. Д. 60.

Л. 1

LISTE DES CAMARADES FEMMES DU CAMP DE RIEUCROS QU'IL
FAUDRAIT SAUVER LES PREMIERES

Espagnole:

20 ans. Membre des Jeunesses Socialistes Unifiées depuis leur fondation, des Jeunesses Communistes depuis janvier ou février 1935. Connue de tous les camarades du C.C. de la J.S.U : Santiago Carillo, Alfredo Cabello, Maria

Teresa Melchor, Segis. A eu une très bonne conduite au camp. Responsable de la baraque espagnole. Née le 3 février
Poca 1921. A beaucoup maigri ces derniers temps, souffre d'une diarrhée chronique. Physiquement, mal au point. Son frère, membre du P.C. espagnol (ou catalan) est tombé les derniers jours de la guerre. Ses parents vivent dans un refuge en France.

49

J. 2

LISTE DE CAMARADES FEMMES DU RIEUCROS AUXQUELLES IL FAUDRAIT ENVOYER DES COLIS

Espagnoles:

Maria
Teresa Baraque 7. (P.C. Espagnol, J.S.U. Responsable de la baraque espagnole. Excellente conduite au camp.
Poca
Dominica (20 ans. Membre des J.S.U. en Espagne. Très brave petite fille terriblement sous-alimentée)
Martin
Maria
Teresa Baraque 7 (Dit qu'elle a appartenu au Parti en Espagne. Bonne attitude au camp). 40 ans
Laceras
Avelina Baraque 7 (14 ans. N'a appartenu à aucune organisation en Espagne parce que trop jeune. Très courageuse.
Margalez L'une des plus jeunes du camp. Envoyer fortifiants).
Libertad Dortoir 15 (40 ans. Anarchiste en Espagne. Au camp, très bonne attitude — une des espagnoles qui sont
Castro restées avant tout antifascistes. Je pense que si on lui envoie⁹⁰ un colis, elle le distribuera parmi les meilleurs éléments non-membres du parti.

50

J. 3

LISTE DES CAMARADES FEMMES DU CAMP DE RIEUCROS QU'IL FAUDRAIT SAUVER LES PREMIERES

Polonaises:

Kicia 34 ans. Membre du P.C. Polonais. A fait de la prison en Pologne. A contracté une tuberculose des
LITVINE rétines des yeux. Est menacée de cécité complète. A été envoyée par le docteur du camp à Montpellier, d'où elle a été renvoyée au camp comme incurable. Attitude extrêmement courageuse au camp.
Sophie née en Pologne allemande, mais enregistrée en Pologne soviétique. 24 ans. Membre du P.C.F. et
ZEMANSKA militante des organisations polonaises. A collaboré au journal Populaire Polonais de Paris («Dziennik Ludowy»). A fait⁹¹ des démarches auprès du Consulat pour être rapatriée et a reçu une lettre très encourageante. Fiancée à un camarade interné à Argelès, combattant des Brigades Internationales (Georges Beck).
Lisa 32 ans. Membre du P.C. Espagnol. A été infirmière en Espagne. A fait de la prison en Pologne. Avant
NAMIOT- son départ en Espagne, membre du P.C. Polonais. Mère d'un petit garçon de deux ans. Femme d'un
HOLLENDER camarade allemand, membre du P.C. Allemand et combattant d'Espagne, qui se trouve actuellement dans un camp des «prestataires». Est sur la liste de celles qui seront rapatriées avec le prochain convoi comme citoyennes soviétiques (née en Pologne soviétique).

51

J. 4

LISTE DE CAMARADES FEMMES DU RIEUCROS AUXQUELLES IL FAUDRAIT ENVOYER DES COLIS

Polonaises:

Jeannine dortoir 14 (P.C. Français et organisations polonaises. mère d'une fillette de neuf ans qui se trouve au
Sochaczewska camp).

Sophie
Zemanska

Baraque 5 (P.C. Français et organisations polonaises. Bonne attitude au camp).

Kicia Litvine

Infirmière (P.C. Polonais. Très malade. — menacée de devenir aveugle. A cette camarade il faudrait envoyer des fortifiants et des produits vitaminés).

52

J. 5

LISTE DES CAMARADES FEMMES DU CAMP DE RIEUCROS QU'IL FAUDRAIT SAUVER LES PREMIERES

Allemandes:

Maria
WEITERER-
THEBE

42 ans, membre du Parti Communiste Allemand, depuis un⁹² quinzaine d'années. Malade. Très bonne camarade, très courageuse, qui a joué un très grand rôle pour l'organisation au camp. Se trouve actuellement, non pas au Rieucros, mais BOMPARD (camp de départ, à Marseille), grâce à une convocation au Consulat mexicain⁹³. Son mari, Siegfried Raedel, qui a reçue⁹⁴ également une convocation à Marseille, n'a pu encore quitter le Vernet. Dernièrement, Raedel et sa femme ont reçu un télégramme d'Amérique les avisant qu'on a déposé l'argent pour le voyage aux Etats-Unis, et de New-York au Mexique, etc. Malgré cela, il faut craindre que on ne laissera pas partir Raedel, car selon les dernières informations que la camarade Weiterer a reçues du Vernet, les «communistes éminents» ne partiront pas.

Claire MUTH

45 ans (environ). A subi, avant son arrestation à Paris, le 1er septembre 1939, une opération très grave. Etat de santé tout à fait déplorable. A été longuement responsable de la «baraque internationale». Membre du P.C. Allemand depuis très longtemps. Conduite au camp très bonne.

Hilda
MADDALENA

45 ans environ. Femme du syndicaliste allemand Maddalena, détenu depuis des années dans un camp de concentration allemand. A essayé d'aller en Suisse, chez sa sœur, mais cela semble impossible. Etat de santé assez bon. Membre du P.C. Allemand. Conduite au camp bonne.

53

J. 6

LISTE DE CAMARADES FEMMES DU RIEUCROS AUXQUELLES IL FAUDRAIT ENVOYER DES COLIS

Allemandes:

Lotte Ruge

Baraque 5, Rieucros par Mende, Lozère. (membre du P.C. Allemand, 45 ans, malade, bonne attitude au camp)

Dora
Landahl

Baraque 5 (membre du P.C. Allemand, 42 ans, très malade)

Claire Muth

Baraque 5 (P.C. Allemand, malade, très bonne camarade)

54

J. 7

LISTE DES CAMARADES FEMMES DU CAMP DE RIEUCROS QU'IL FAUDRAIT SAUVER LES PREMIERES

Lettonie:

Marina
STRASDE⁹⁵

40 ans (environ), née en Lettonie. A été en Espagne durant la guerre. Membre du Parti (j'ignore de quelle section). A reçu plusieurs lettres du Consulat soviétique de Vichy. Excellente camarade, très courageuse, très optimiste. A participé comme actrice à toutes les fêtes. En plus, a été élue responsable d'une baraque «non politique» ce qui est un travail assez difficile et s'en tire très bien. Etat de santé très mauvais⁹⁶.

55

J. 11

[рукописный список]

Camp de Rieucros

Françaises

Fernande Valignat Pauline Marty

Yvonne Dechambre Mathilde Parry et leur

Antoinette Fredeire mère

André Fanny Femme Petrow

Marie-Louise Saint Germain

Tonine Blanche

Joubert famille à Orel Mme Reditchkine

Internationales

Gusty Groel

Betty Rosenfeld

Gusty Guttman (autrichienne)

Dora Zaidorf (polonaise)

Mira Loevy (lithuanienne)

Marina Strasde (lithuanienne)⁹⁷

Lisa Marriot Hollander (polonaise)

Allemandes

Paula Kop

Clara Mont

Maria Vandermatt

Anna-Maria Guenter

56

Л. 11 об

Gertrude Graeser⁹⁸

Lote Schwartz

Ilda Madaleine femme

Espagnoles

Celia Llanoza et sa fille Serita

Maria Thereza⁹⁹ Poca

Dominique Martin

Juanita Roblas

Isabelle Sintes

Polonaises

Sofia Sochaczewska

Irka Kagan

Klara Weil

Kaja Wajsman

Sara Lajstein Riva Bronstein

Perle Blum

Anna Orzulak (Ukranienne)

Clima Kactehmer (Besserabienne)

Russes : Olga Kogan
Alona Kutchera
Claudia Pentcheko
Valentina Gasfor
Hamburger¹⁰⁰

57

J. 12

LISTE DE CAMARADES FEMMES DU RIEUCROS AUXQUELLES IL FAUDRAIT ENVOYER DES COLIS

Allemandes

Lotte Ruge Baraque 5, Rieucros par Mende, Lozere (membre du PC Allemand, 45 ans, malade, bonne attitude au camp)
Dora Landahl Baraque 5 (membre du PC allemand, 42 ans, tres malade)
Claire Muth Baraque 5 (PC allemand, malade, tres bonne camarade)

58 Polonaises

Jeannine Sochaczewska Dortoir 14 (PC français et organisations polonaises. Mere d'une fillette de neuf ans qui se trouve au camp)
Sophie Zemanska Baraque 5 (PC français et organisations polonaises. Bonne attitude au camp)
Kicia Litvine Infirmerie (PC polonais. Tres malade — menacee de devenir aveugle. A cette camarade, il faudrait envoyer des fortifiants et des produits vitamines)

59 Espagnoles

Maria Teresa Poca Baraque 7. (PC Espagnol, JSU. Responsable de la baraque espagnole. Excellente conduite au camp.
Dominica Martin (20 ans. Membre des JSU en Espagne. Tres brave petite fille terriblement sous-alimentee)
Maria Teresa Laceras Baraque 7 (40 ans. Dit qu'elle a appartenu au Parti en Espagne. Bonne attitude au camp).
Avelina Margalez Baraque 7 (14 ans. N'a appartenu à aucune organisation en Espagne parce que trop jeune. Tres courageuse. L'une des plus jeunes du camp. Envoyer fortifiants).
Libertad Castro Dortoir 15 (40 ans. Anarchiste en Espagne. Au camp, trs bonne attitude — une des espagnoles qui sont restees avant tout antifascistes. Je pense que si on lui envoie¹⁰¹ un colis elle le distribuera parmi les meilleurs elements non-membres du parti.

60

J. 14

LISTE DES CAMARADES FEMMES DU CAMP DE RIEUCROS QU'IL FAUDRAIT SAUVER LES PREMIERES

__ __ __ (de la camarade Andrès Halpeva)¹⁰²

Françaises:

Mathilde PERI 38 ans (environ). Etat de santé très mauvais (tuberculose). Membre du P.C. Français. Très courageuse au camp. A mon avis, Mathilde Peri et Pauline Marty (voir ci-dessous) devraient être parmi les premières à envoyer ici ; mais il me semble qu'en tant que Françaises, cela sera très difficile pour elles d'obtenir l'autorisation du gouvernement de Vichy
Pauline TAURINYA 43 ans (environ). Etat de santé pas très bon. Membre du P.C.F. Courageuse et optimiste au camp. Mère d'un¹⁰⁴ fillette de trois ans qui vient seulement de quitter le camp pour aller à Paris

(MARTY)¹⁰³ chez les camarades français (parents ?)

La mère des camarades Mathilde (PERI) et Pauline TAURINYA (MARTY)¹⁰⁵ dont j'ignore le nom. Très âgée (75 ans)¹⁰⁶ et très malade. A été à l'hôpital de Montpellier, puis a été renvoyée au camp, où la nourriture ne lui convient pas du tout et où elle n'est pas soignée. N'est plus du Parti depuis sa maladie (1936). Attitude très digne au camp.

Примечания:

1. См. подробнее: Пожарская С. П. Франсиско Франко и его время. М., 2007. С. 84—85; Шубин А. В. Великая испанская революция. М., 2011. С. 526—534.
2. Резолюцию Секретариата ИККИ о роспуске интербригад от 27 августа 1938 г. см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1259. Л. 2—4. Краткий фотоотчёт о параде в Мадриде см.: РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 5. Д. 251. Л. 22, 38, 62, 65 [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 27.10.2018).
3. Томас С. Гражданская война в Испании. 1931—1939 гг. / пер. с англ. И. Полоцка. М., 2003. С. 526; Шубин А. В. Указ. соч. С. 540—544.
4. Обобщающей работой по проблематике лагерей во Франции XX в. является исследование Д. Пешанского: Peschanski D. La France des camps, 1938—1946. Paris, 2002.
5. Dreyfus-Armand G. L'accueil des républicains espagnols en France: entre exclusion et utilisation; 1936—1940 // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1996. № 44. P. 36—41; Eadem. 1939, l'internement des républicains espagnols // Hommes et Migrations. 1994. № 1175. P. 6—10.
6. Dreyfus Armand G. La politique des pouvoirs publics français à l'égard des réfugiés espagnols, 1936—1940 // Exils et migrations ibériques au XXe siècle. 1999. № 7. P. 154, 156.
7. Wiewiorka A. L'expression "Camp de concentration" au 20e siècle // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. Avril—juin 1997. № 54. P. 4—12.
8. Dreyfus Armand G. La politique des pouvoirs publics français à l'égard des réfugiés espagnols... P. 157, 163.
9. РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 4. Д. 1а—70. Некоторые фотографии быта интернированных во французских лагерях можно увидеть в следующих делах: Там же. Ф. 545. Оп. 5. Д. 273. Л. 1; Д. 275. Л. 33; Д. 276. Л. 60; Д. 283. Л. 3—4 [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 27.10.2018).
10. Подробнее о формировании политики невмешательства и Комитета по невмешательству в дела Испании см.: Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936—1939 годов и Европа: международные аспекты конфликта. М., 2011. С. 45—92.
11. Peschanski D. 1939—1946, les camps français d'internement // Hommes et Migrations. 1994. № 1175. P. 12.
12. Strasde M. Un an au camp. 10 novembre 1940. Стихотворение размещено на сайте Ассоциации по увековечиванию памяти интернированных женщин Риёкрос и Бранса. См. подробнее: Association pour perpétuer le souvenir des internées des camps de Brens et de Rieucros. Témoignages. [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 30.10.2018 г.
13. Цит. по: Peschanski D. 1939—1946, les camps français d'internement... P. 12.
14. Buck J. Suspect Women: The Politics of Exclusion in the French Camp of Rieucros, 1939—1942 // The Journal of the Western Society for French History. Vol. 43. 2015. P. 118—119.
15. Ibid. P. 121.
16. Català N., Gaulle Anthonioz G. de (préf.), Caroline Langlois (trad.). Ces femmes espagnoles de la Résistance à la Déportation. Témoignages vivants de Barcelone à Ravensbruck. Paris, 1994; Gilzmer M. Camps de femmes. Chroniques d'internées, Rieucros et Brens, 1939—1944. Paris: Autrement, 2000; Porolli P. S. Ficción i realidad en Destins (1947), de Joan Cid i Mulet. Aportes para el estudio de la literatura testimonial sobre los campos de concentración franceses // Becerroles: lletres de llengua i literatura. 2012. Vol. 5. P. 59—68; Sicot B. Literatura española y campos franceses de internamiento. Corpus razonado (e inconcluso) // Cahiers de civilisation espagnole contemporaine. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 31.10.2018).
17. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / под общ. ред. Л. Каценельсона и Д. Г. Гинцбурга. СПб., 1910. Т. 7. Стб. 492.
18. О коммунистическом движении в Бразилии во второй половине 1920-х и в 1930-е гг. подробнее см.: Кареповс Д.

Возникновение бразильской секции Коммунистического Интернационала (1925—1930) // Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка / отв. ред. А. А. Щелчков, В. Л. Хейфец. М., 2018. С. 321—339; Щелчков А. А. Бразильское восстание 1935 года // Там же. С. 339—354.

19. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 197. Д. 36. Л. 26—27; Там же. Д. 136. Л. 1—3, 7, 15 — 15 об.

20. Заявление Меера Листа от 27 февраля 1940 г., написанное в лагере Аржелес-сюр-Мер, сохранилось на испанском языке: Там же. Л. 20—21.

21. Там же. Л. 7, 16 об., 18 — 19 об., 23.

22. См. подробнее: Jeifets L., Jeifets V. *América Latina en la Internacional comunista, 1919—1943. Diccionario biográfico*. Santiago de Chile: Ariadna ediciones, 2015. P. 446—447. См. также справки из дела Хаима Нароцкого: Там же. Ф. 495. Оп. 197. Д. 136. Л. 2.

23. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 197. Д. 36. Л. 21 об., 22 об., 24, 25, 31 — 31 об. Справки и удостоверения о службе в боевых частях и подразделениях Республиканской армии в 1936—1938 гг. также отложились в её деле: Там же. Л. 1 — 12, 32—33.

24. Подтверждено справками политкомиссара Эдо от 5—10 июля 1940 г.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 197. Д. 36. Л. 20; Ф. 495. Оп. 197. Д. 136. Л. 23—24.

25. Подробный анализ взаимоотношений постпреда СССР А. Е. Богомолова и правительства Петена в октябре 1940 — мае 1941 гг. см. в: Soutou G.-H. *Vichy et la place de l'USSR dans le système européen // L'USSR et L'Europe de 1941 à 1957 / ed. par G.-H. Soutou et E. R. Hivert*. Paris, 2008. P. 73—84.

26. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 197. Д. 136. Л. 13.

27. Там же. Л. 14; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 197. Д. 36. Л. 30.

28. Jeifets L., Jeifets V. *América Latina en la Internacional comunista...* P. 225.

29. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 197. Д. 36. Л. 15—16.

30. Там же. Ф. 545. Оп. 6. Д. 60.

31. Мария Конечняк, в девичестве Фабьянска (род. 1904) — жена видного деятеля польского коммунистического движения Стефана Конечняка, с июня 1940 по 26 февраля 1941 г. находилась в лагере Риёкро вместе с Аидой Нароцкой и так же вместе с ней приняла советское гражданство, после чего была освобождена и прибыла в СССР. В марте 1941 г. находилась в доме отдыха ЦК МОПР в Монино, в сентябре 1941 г. вместе с дочерью Кларой (род. 1927) переселилась в комнату, выделенную мужу Метростроем. Поскольку её муж с 1923 г. нелегально находился во Франции, за это время она выучила французский язык: Там же. Ф. 495. Оп. 252. Д. 9540. Л. 85 — 87 об., 89 — 91 об. Сравнивая почерк её автобиографии 1941 г. (Там же. Л. 92 — 92 об.) и достаточно своеобразный почерк отчёта от 22 марта 1941 г. (Ф. 545. Оп. 6. Д. 60. Л. 23 — 23 об.) — оба документа написаны на французском, — можно прийти к однозначному выводу об их идентичности.

32. Там же. Ф. 495. Оп. 197. Д. 36. Л. 22, 29.

33. Там же. Ф. 495. Оп. 252. Д. 9540. Л. 87 — 87 об., 89 — 91 об. Мария Конечняк заявляла о знании русского в своей анкете в марте 1941 г., но в деле есть только письма её мужа с очень плохим русским. Скорее всего, она знала его даже хуже, чем Аида Нароцкая; её дочь Клара Конечняк, судя по заявлению отца в Отдел кадров ИККИ от 25 августа 1941 г., не знала русского языка вообще.

34. Gilzmer M. *Résistance de femmes internées en France: 1939—1945 // Les femmes dans la Résistance en France / dir. par M. Gilzmer, C. Levis-Touzé*, St. Martens. Paris, 2003. P. 289—290.

35. Там же. Ф. 545. Оп. 6. Д. 60. Л. 18.

36. Buck J. *Suspect Women: The Politics of Exclusion in the French Camp of Rieucros...* P. 121.

37. Там же. Ф. 545. Оп. 6. Д. 60. Л. 17.

38. Gilzmer M. *Camps de femmes. Chroniques d'internées, Rieucros et Brens...* P. 105—106.

39. Сходные условия питания описывала Клэр Мут в своём письме, копию которого направила в ЦК КПГ ещё одна бывшая узница Риёкро, член Коммунистической партии Франции Люси Хальперн (Ф. 495. Оп. 205. Д. 3054. Л. 1 — 1 об.; см. приложение).

40. Сохранились фотографии некоторых узниц с бидонами, в которых они доставляли воду в лагерь: Association pour le souvenir de Rieucros. *L'internement* [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#); [>>>](#) (дата обращения: 30.10.2018).

41. По решению администрации, в каждом бараке должна была быть «ответственная» или «староста», которая отвечала перед властями лагеря за всех заключённых барака, распределяла между ними хозяйственные повинности и

улаживала конфликты. О непростой доле такой старосты с юмором поведала в стихотворении Марина Страсде; разумеется, этот юмор был смехом сквозь слёзы. Стихотворение приведено на сайте Ассоциации по увековечиванию памяти интернированных в лагерях Бранс и Риёкро [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 30.10.2018).

42. Gilzmer M. Camps de femmes. Chroniques d'internées, Rieucros et Brens... P. 98.

43. Цит. по: Ibid. P. 98.

44. Опубликовано в том же издании: Ibid. P. 97.

45. Подробнее о театральных постановках в Риёкро: Ibid. P. 149—156. На сайте Ассоциации по увековечиванию памяти заключённых Риёкро выставлена фотография, запечатлевшая Марину Страсде в одной из постановок на фоне узнаваемого силуэта деревянного барака; датировка снимка (1942) при этом вызывает сомнение, однако любая другая информация (включая, например, источник происхождения фотографии) на сайте отсутствует [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 30.10.2018).

46. Buck J. Suspect Women: The Politics of Exclusion in the French Camp of Rieucros... P. 120.

47. Ibid. P. 121—122. Так, 24 августа 1940 г. в лагерь пришёл официальный запрос от германских властей на передачу пятидесяти девяти интернированных (Ibid. P. 122. N. 7).

48. Личное дело Георга Бека хранится в РГАСПИ: Ф. 495. Оп. 205. Д. 6650.

49. Личное дело Матильды Пери: Там же. Ф. 495. Оп. 270. Д. 55. Л. 9, 15, 20—22. Ещё в 1926 г. она заболела туберкулёзом и страдала от его последствий всю жизнь, несколько месяцев в году проводя в санатории. Несмотря на это, после выхода из лагеря по состоянию здоровья 31 декабря 1941 г. (только после смерти мужа) она продолжала политическую деятельность, в октябре 1946 г. стала депутатом Учредительного собрания от департамента Сена-и-Уаза, председателем Ассоциации семей расстрелянных и замученных участников Движения Сопротивления, в 1950 г. — вице-председателем Национального собрания Франции. Личное дело Габриэля Пери также хранится в РГАСПИ: Ф. 495. Оп. 270. Д. 9057.

50. Там же. Ф. 495. Оп. 205. Д. 2207. Л. 2—3, 6—8.

51. Фотографии Терезы Ноче с маленькой Полиной на руках также доступны в статье: Maurin-Farelle B. L'étrange voyage de Teresa Noce à Rieucros. Regards croisés sur l'enfermement et l'exclusion // Italies. 2014. Vol. 17/18. P. 245—284 [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 30.10.2018).

52. С этого момента территория лагеря в Риёкро продолжала некоторое время использоваться для содержания пленных итальянцев-интернационалистов; отчёт об их содержании и списки можно обнаружить среди бумаг Эдо: РГАСПИ. Ф. 545. Оп. 6. Д. 469а. Л. 79—82.

53. Архивные документы, составленные на французском языке или переведённые с него, подготовлены к публикации О. В. Окуновой; документы на немецком языке — М. В. Земляковым.

54. Так в тексте.

55. Так в тексте.

56. О холоде в бараках, постоянном недостатке угля и о том, что печка совершенно неспособна была обогреть пространство, вспоминали и другие заключённые (Gilzmer M. Camps de femmes. Chroniques d'internées, Rieucros et Brens, 1939—1944. Paris: Autrement, 2000. P. 92). Печка фигурирует на их рисунках (Ibid. P. 91), а в одном из стихотворений из вожделенного угля предлагалось сложить памятник старосте барака, которая постоянно должна была выбивать уголь всеми правдами и неправдами из администрации лагеря (стихотворение Марины Страсде, февраль 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 30.10.2018). В конечном счёте сложности со снабжением углём были отмечены даже в отчёте лагерного врача (Gilzmer M. Op. cit. P. 105).

57. Так в тексте.

58. На л. 23 из этого же дела указывается иная причина смерти ребёнка (см. далее)

59. На Л. 5 того же дела в характеристике немки Maria Weiterer-Thebe и её мужа Siegfried Raedel упоминается вызов из консульства Мексики в Марселе и телеграмма из США, однако отмечается, что оба они находились не в лагере Риёкро, а в пересылочном пункте Бомпар в Марселе (в случае с М. Вайтерер-Тебе) и в лагере Верне (З. Рэдель).

60. Отсутствие подлежащего во второй части предложения («[они / занятия] были запрещены») может быть простым пропуском по недосмотру пишущего, но может и указывать на влияние испанского языка, в котором подлежащее, выраженное местоимением, часто опускается. В этом же предложении слова «префект» и «департамент» написаны без надстрочных знаков, что также допускает различное толкование (недосмотр / ученическая ошибка / косвенное свидетельство того, что французский язык для пишущего был неродным).

61. Так в тексте — без согласования в женском роде и множественном числе.

62. Так в тексте.
63. Так в тексте.
64. Так в тексте.
65. Явная описка, должно быть “ils”.
66. Оборот, выдающий иностранное происхождение автора.
67. В этом предложении сразу несколько рассогласований и одновременно умножение дополнений сверх необходимого. Возможно, это произошло при переписывании начисто, когда взгляд переписчика сместился на другую строку.
68. Ещё одно косвенное указание на то, что французский язык для пишущего был неродным : в случае оборота “ne... que” вторая отрицательная частица “pas” должна опускаться.
69. Обычно используется стяжённая форма “s’il”.
70. Из-за того, что во французском языке многие формы слов произносятся одинаково при разнице в написании, в трёх последних словах автор руководствовался именно произношением.
71. Так в тексте — без согласования во множественном числе.
72. Так в тексте.
73. Так в тексте — избыточное согласование в женском роде и множественном числе.
74. Так в тексте.
75. Письмо отпечатано на машинке. В правом верхнем углу две рукописных пометки, подчёркнутых двойной линией. Нижняя пометка : “Sit Int”, верхняя, возможно, “Edo”. См. прим. 24 к данной статье.
76. Возможно, речь идёт о Хильде Мадалене — см. следующее приложение.
77. Так в тексте.
78. Текст напечатан на машинке; поверх надписи прописными буквами “ABSCHRIFT” красным карандашом беглым почерком оставлена надпись: Muth Claire. K. Z. Frankreich. Ablage. Подпись автора надписи неразборчива. Кроме того, название лагеря написано в правом верхнем углу дважды, но первый раз буквы заретушированы путём печати поверх них литер X.
79. Умляют вписан от руки так, что машинописная литера а исправлена на ä.
80. Умляют вписан от руки так, что машинописная литера u исправлена на ü; буквы be вписаны от руки.
81. Вторая буква t вписана от руки между h и e.
82. Так в тексте, должно быть написано aber.
83. В тексте опечатка, должно быть Maria.
84. Буква t напечатана поверх буквы n.
85. Пропущена буква o в в начале второй части слова (должно быть Studentenorganisation). 86. В тексте неверное написание города Манд заретушировано путём печати поверх букв литеры X; рядом напечатан верный вариант.
87. Так в тексте, должно быть Genossinnen. 88. Начиная со слов “Ihr Brief ist, wie Sie sehen, Antwort auf einen Brief” и вплоть до конца этого абзаца слева от него красным карандашом прочерчена вертикальная черта; по-видимому, это служебные пометки референта КППГ, рассматривавшего просьбу Люси Гальперн о помощи заключённым лагеря Риекро. 89. В тексте эти два слова заретушированы путём печати поверх них литер X.
90. Так в тексте.
91. Так в тексте.
92. Так в тексте.
93. Так в тексте.
94. Так в тексте.
95. На листе 16 из того же дела, который предположительно является машинописным черновиком с рукописными

вставками к настоящему списку, от руки чернилами вписано: 22 mars 1941. Ниже — неразборчивое имя (начинается на L) и фамилия (начинается на H).

96. О Марине Страсде известно следующее: родилась в 1897 г. в Риге, в 1913 г. приехала в Берлин обучаться театральному искусству, с 1918 г. работала актрисой. В 1931 г. вступила в Компартию Германии, в 1933 г. была вынуждена покинуть Германию и переехала в Париж. В 1937 г. вступила в ряды интербригад и отправилась в Испанию санитаркой. Была эвакуирована в 1938 г. в Каталонию, вернулась в Париж. В марте 1940 г. была там арестована и отправлена в лагерь Риёкро. В августе 1943 г. была вывезена в туберкулёзный санаторий в тяжёлом состоянии. Когда здоровье ей это позволило, стала поддерживать французское Сопротивление; в подполье носила имя Мария Салавин. После войны вернулась в Берлин. Умерла в 1949 г. в восточном Берлине от последствий болезней, полученных ею во время заключения в лагере. — Биографическая справка в кн.: Gilzmer M. Camps de femmes. Chroniques d'internées, Rieucros et Brens, 1939—1944. Paris, Autrement, 2000. P. 257—265.

97. Так в тексте. На самом деле Марина Страсде была латышкой, что отмечено и в других документах (см. настоящее приложение).

98. Гертруда Грейзер (в замужестве Раст) — родилась в 1897 г. в Гамбурге. Во время Первой мировой войны была задержана за антивоенную пропаганду. После прихода Гитлера к власти бежала во Францию, работала в Париже в журнале немецких эмигрантов. Арестована в сентябре 1939 г. и отправлена в лагерь Риёкро. Участвовала в налаживании политической жизни лагеря. В 1943 г. была выдана французской полиции и затем немцам. Прошла через несколько тюрем и концлагерей. После войны оставила книгу воспоминаний. Её фотографии приведены выше в статье (илл. 6,7). — Подробнее см.: Gilzmer M. Camps de femmes. Chroniques d'internées, Rieucros et Brens... P. 257—265.

99. Так в тексте.

100. Написано более беглым почерком; возможно, имеется в виду Кларита Хамбургер, упомянутая на л. 1 в письме Клэр Мут к Люси Хальперн.

101. Так в тексте.

102. Текст в скобках приписан от руки к машинописному.

103. К имени добавлена от руки квадратная скобка с линией, ведущей к нижней половине листа, и заканчивающейся стрелкой. Стрелка указывает на записи от руки:

Espagne Albacete 1936

(Pagaduria) [транскрипция приблизительная]

Valence 1937

Норитери [Норитан ? транскрипция приблизительная].

104. Так в тексте.

105. На листе 16 из того же дела, который предположительно является машинописным черновиком с рукописными вставками к настоящему списку, от руки чернилами вписано имя: Rose TAURINYA. Эта пометка не перенесена в чистовик (Л. 14), в отличие от других рукописных вставок в этом же абзаце.

106. Цифра в скобке проставлена от руки, прежняя цифра, напечатанная на машинке, и знак вопроса густо замазаны чернилами.

Библиография:

1. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / под общ. ред. Л. Каценельсона и Д. Г. Гинцбурга. СПб., 1910. Т. 7. 960 ст.

2. Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936—1939 гг. и Европа: международные аспекты конфликта. М., 2011.

3. Пожарская С. П. Франсиско Франко и его время. М., 2007.

4. Томас С. Гражданская война в Испании. 1931—1939 гг. / пер. с англ. И.

Полоцка. М., 2003.

5. Шубин А. В. Великая испанская революция. М., 2011.

6. Badia G. 1940—1944, quand Vichy livrait a Hitler les etrangers refugies en France // *Hommes et Migrations*. Avril 1994. № 1175. De la guerre a la decolonisation. La memoire retrouvée. P. 20—23.

7. Bocanegra Barbecho L. Identidad y pertenencia del exilio republicano espanol en la red internet: generando memoria y cultura a traves de las plataformas sociales digitales y el uso del Open Data // *Decolonizando Identidades. Pertenencia y Rechazo de/desde el Sur Global* / ed. por C. Olivieri y A. Ortega Santos. Granada, 2017. P. 211—221.

8. Bocanegra Barbecho L., Toscano M. The Spanish Republican Exile: Identity, Belonging and Memory in the Digital World // *Cultural Heritage in a Changing World* / ed. by K. J. Borowiecki et al. Springer, 2016. P. 237—253.

9. Buck J. Suspect Women: The Politics of Exclusion in the French Camp of Rieucros, 1939—1942 // *The Journal of the Western Society for French History*. 2015. Vol. 43. P. 111—123.

10. Catala N., Gaille Anthonioz G. de (pref.), Caroline Langlois (trad.). Ces femmes espagnoles de la Resistance a la Deportation. Temoignages vivants de Barcelone a Ravensbruck. Paris, 1994.

11. Les camps du Sud-Ouest de la France, 1939—1940 / dir. par M.-L. Cohen et E. Malo. Toulouse, 1994.

12. Dreyfus Armand G. La politique des pouvoirs publics francais a l'egard des refugies espagnols, 1936—1940 // *Exils et migrations iberiques au XXe siecle*. № 7. 1999. P. 147—164.

13. Dreyfus-Armand G. 1939, l'internement des republicains espagnols // *Hommes et Migrations*. № 1175. 1994. P. 6—10.

14. Dreyfus-Armand G. L'accueil des republicains espagnols en France: entre exclusion et utilisation; 1936-1940 // *Materiaux pour l'histoire de notre temps*. 1996. № 44. P. 36—41.

15. Fischer N. Les expulsés inexpulsables. Recompositions du controle des etrangers dans la France des annees 1930 // *Cultures et Conflits*. 2004. № 53. Dossier thematique “Surveillance politique: Regards croises”. P. 25—41.

16. Gilzmer M. Camps de femmes. Chroniques d'internees, Rieucros et Brens, 1939

—1944. Paris, 2000.

17. Gilzmer M. Resistance de femmes interneées en France: 1939—1945 // Les femmes dans la Resistance en France / dir. par M. Gilzmer, C. Leviss-Touze, St. Martens. Paris, 2003. P. 283—310.

18. Groppo B. La notion de refugie au XXe siecle // Exils et migrations iberiques au XXe siecle. 1999. № 7. P. 165—178.

19. Grynberg A. Les camps du sud de la France: de l'internement a la deportation // Annales. Economies, societes, civilisations. 1993. № 3. P. 557—566.

20. Guillen P. L'evolution du statut des migrants en France aux XIXe — XXe siecles // L'emigration politique en Europe aux XIXe et XXe siecles. Actes du colloque de Rome (3—5 mars 1988) Rome, 1991. P. 35—55.

21. Jeifets L., Jeifets V. America Latina en la Internacional comunista, 1919—1943. Diccionario biografico. Santiago de Chile: Ariadna ediciones, 2015.

22. Maurin-Farelle B. L'etrange voyage de Teresa Noce a Rieucros. Regards croises sur l'enfermement et l'exclusion // Italies. 2014. Vol. 17/18. P. 245—284.

23. Parello V. Des camps de refugies espagnols de la guerre civile dans l'Herault // Melanges de la Casa de Velazquez. 2011. T. 41, fasc. 1. P. 233—249.

24. Peschanski D. 1939—1946, les camps francais d'internement // Hommes et Migrations. 1994. № 1175. P. 11—19.

25. Peschanski D. La France des camps, 1938—1946. Paris, 2002.

26. Peyrac S., Martin S., Labadie J.-C. Le camp d'internement de Rieucros, 1939—1942: L'internement, de la Republique a l'Etat francais. Mende, 2008.

27. Porolli P. S. Ficción i realitat en Destins (1947), de Joan Cid i Mulet. Aportes para el estudio de la literatura testimonial sobre los campos de concentracion franceses // Becerols: lletres de llengua i literatura. 2012. Vol. 5. P. 59—68.

28. Schaul D. Le camp de Rieucros // Cabanel P., Joutard Ph., Poujol J. Cevennes, terre de refuge, 1940—1944 (textes et documents rassembles). Montpellier, 1987.

29. Sodigne-Loustau J. L'accueil des refugies civils espagnols de 1936 a 1940. Un exemple: la region Centre // Materiaux pour l'histoire de notre temps. 1996. № 44. P. 42—47.

30. Soutou G.-H. Vichy et la place de l'USSR dans le systeme europeen // L'USSR et L'Europe de 1941 a 1957 / ed. par G.-H. Soutou et E.R. Hivert. Paris, 2008. P. 73

31. Wieviorka A. L'expression "Camp de concentration" au 20e siecle // Vingtieme Siecle. Revue d'histoire. 1997. № 54. P. 4—12.

Interned Women in the Rieucros Camp (Lozère, France), 1939—1942 in the Documents of the Russian State Archive of Social-Political History

M. Zemlyakov

*Higher School of Economics
Russian Federation, Moscow*

O. Okuneva

*Institute of World History RAS
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The article reviews a history of the internment camp Rieucros in France (1939—1942), which had emerged as other internment camps after the Spanish Republican Army's defeat and massive escape of the combatants and civilians from Catalonia to France through Pyrenees. The Rieucros camp specificity consisted in keeping only women and children. Basing on the documental collections of the Russian State Archive of Social-Political History (RGASPI), the authors put together informations about total number of internees, life conditions and activities in the internment camp before and after 1942 (when the camp was moved from Rieucros to another camp in Brens). As the RGASPI documents on Rieucros Camp stay little known, the article includes some attached supplements in French, Russian and German (some previously unpublished primary sources with important testimonies of the internees).

Keywords: Internment camp Rieucros, Mende, Spanish Civil War 1936—1939, Aida Narocky (Glicker), Dora Schaul, Claire Muth, RGASPI

Publication date: 15.03.2019

Citation link:

Zemlyakov M., Okuneva O. Interned Women in the Rieucros Camp (Lozère, France), 1939—1942 in the Documents of the Russian State Archive of Social-Political History // *Istoriya* 2019. Issue 2 (76) [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://history.jes.su/S207987840002536-8-1> (circulation date: 22.06.2019). DOI: 10.18254/S207987840002536-8

защищены.